

Дан Пагис

Свидетельство

СТИХИ ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

Свидетельство¹

Нет, нет, они-то как раз
Были людьми: сапоги, униформа.
Как бы сказать: на вид — творенье
По образу и подобию.

Я был тенью.
У меня был другой Творец.

И Он, Милосерд, не оставил мне
Ничего, что б истлело.
И я бежал, вознесся к Нему
Облаком голубым,
Смиренно прося прощенья, —
Дым к Всемогущему Дыму
Без образа и без тела.

Малая поэтика

Ты можешь писать что угодно,
например, что... и что...
Любыми буквами, какие найдешь,
всеми значками, что вырастишь на них.
Надо бы, конечно, проверить,
этот голос — твой голос?
Руки — твои ли руки?
Коль так, заключи свой голос в темницу,
сложи свои руки и слушай
голос
чистой страницы.

Домá

По краю страницы подрагивает
перо, сейсмограф, пытаясь
изобразить тонкими линиями, острыми углами
сотрясение пола.
Всё сильнее трясет. Углы становятся всё острее.

1 Переводы выполнены по изданию: *Пагис Д.* Коль га-ширим. Иерусалим: Га-кибуц га-мейухад Моссад Бялик, 1991. С. 137, 228, 229, 252, 234, 174, 224.

Но прибор устарел, он не может
изобразить даже краешек правды:
что стол разлетелся в щепки
и рушится дом,
земля разверзлась под ним.
В наступившей затем тишине, среди руин,
перо свободно от любых обязательств.
Чертит, что хочет, скользя по бумаге,
соединяет бесцельно углы друг с другом,
сводит к центру всю эту паутину,
генеральный план
паучьего дома.

Изморозь на краю Квинса

Словно растерянный бык, проснувшийся среди фарфора,
я в этом лесу, сияющем блеском отраженным,
осторожно ступаю, чтоб под моей ногой
не растрескался тонкий лед, замерзший за ночь.
Но еще один странный сюрприз мне готовит утро:
чужестранец, я словно возвратился домой,
и крольчиха мудрая, забытая мною в лесах других, —
здесь она, в белой чаще, манит меня: «Иди,
ничего не бойся, зима сурова,
ты сможешь пройти этот лес весело и без опаски,
не повредишь в нем ничего,
не оставишь в нем никакого следа».

Предсказания

Большая рыба, извергнув Иону, больше
не заглотила ничего.
Без пророчества во чреве стала чахнуть.

Умерла большая рыба, и море извергло ее на сушу,
триста пядей разочарованной, покинутой плоти
в сиянии конца дня.

И снизошла на нее благодать, знак того, что чрез миг настанет:
множество раков
окружили ее, возвеселились в ней, очистили ее до совершенства.

Когда кончилась плоть-весть, на пустынном берегу
остался костяк: ниши, колонны, врата, тайные двери —
город-убежище для беженца-ветра. Всё сбылось.

Диббук

Выйди, уйди. Что тебе здесь?
Из моего уйди бытия.
Вырву из глотки тебя, из руки.
Это я, ты слышала? Я.

Кто тебе в этой мгле? Сотру
тень твою тенью моей. Выйди вне!
В мире нет места нам двоим,
мне и мне.

Обыск

Испуганный звонок в дверь. Меня уже нет дома.
Вернусь завтра.
Звонок. Меня уже нет в городе.
Вернусь послезавтра.
Меня уже нет.
Вернусь в конце времен.
Вот они ломают дверь.
Глупцы. Я ведь не собираюсь
рождаться вообще никогда.

Перевод с иврита Шломо Крола

Фото на краю моста²

Под солнцем и снегом дремлет
Бруклин — тот, что за гранью мира,
среди огромных пуховых одеял
субботы.

Передо мной высоко мост, висящий
на прозрачных ледяных нитях, на честном слове.
Отсюда и до горизонта движется
лишь мое дыхание.

Нет нужды торопиться. По линии берега — надпись:
дэд энд.
У нее несколько смыслов,
и все они просты.

2 Перевод стихотворения «Фото на краю моста» выполнен по изданию: *Пагис Д.* Коль га-ширим. Иерусалим: Га-кибуц га-мейухад Моссад Бялик, 2009. С. 248—249; перевод прозаических миниатюр «Фото самоубийства» и «Документы» выполнен по архивной подборке, опубликованной в: *Шабат-Надир А.* Тик миспар эфес. Крия балшит беацират Дан Пагис вехайяв (Папка номер ноль. Детективное прочтение жизни и творчества Дана Пагиса). Иерусалим: Га-кибуц га-мейухад, 2022. С. 141, 164.

Семьдесят лет я на краю моста
с тяжелой фотокамерой на треноге.
Руки мои под черной тканью ждут
подходящего света.

И вот как будто тот же иудейский снег.
Ослепительное сияние,
предельная обнаженность.
На снимке выходит лишь
белый прямоугольник.

И это — не аллегория,
ибо я
наконец-то возвращаюсь домой. Вслед за мной
ковыляет серо-белая веселая шеренга — чайки
из любавичских хасидов. Приветственно машут крыльями
и пропадают в снегах, подобно мне самому.

Фото самоубийства

Тыходишь в кабину фотоавтомата, настраиваешь кресло, закрываешь шторы. Две монеты. Нажимаешь на кнопку (как на спусковой крючок): ослепительная вспышка. Совершаешь самоубийство четыре раза. Из прорези сбоку выскакивают изображения мертвеца. Лицо, побелевшее в момент первого выстрела (смотрит в сторону, ищет, находит, слишком поздно), лицо с распахнутыми глазами (жизнь перебежала в две крошечные световые точки, каждая — в остекленевшем хрусталике) и два лица с глазами закрытыми, одно в четверть профиля (рот расслаблен после крика), а другое в полупрофиль (улыбается, все уже в прошлом). Тебе нужны фотографии на паспорт, чтобы недолго и недорого, чтобы живой или мертвый, и вот их у тебя четыре. Они соревнуются друг с другом за достоверность и все ужасно похожи на тебя.

Документы

Клерк в окошке — полосатый пиджак, полосатый галстук, туго повязанный, даже в такой хамсин — говорит мне: «Подпишите здесь, где крестик». Я достаю ручку и подписываю одним росчерком. Он бегло просматривает и говорит: «Имя фальшивое». «Как это? Вы можете сверить с паспортом». «Уже сверил, — отвечает он, — и там имя фальшивое. И фотография тоже». «Это новая фотография. Вы можете сравнить ее со мной». «Уже сравнил, — говорит он, — никакого сходства, у вас же нет лица». Мое терпение кончается: «Я буду жаловаться! Кто ваш начальник?» Внезапно он очень вежливо, даже ласково наклоняется ко мне и шепчет: «Извините, господин, я забылся. Начальник — вы. Вот бланк жалобы».

Перевод с иврита Никиты Быстрова